

И.М. ПЕТРАЧКОВА

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АНТРОПОНИМОВ В ДРАМАТУРГИИ А.В. ВАМПИЛОВА

Исследуются антропонимы литературных героев, используемые А.В. Вампиловым как средство создания художественного образа и воплощения авторского замысла.

This article is about proper names of characters considered as reflection of poetic views of a playwright A.V. Vampilov. The aim of the research is the function of proper names in his plays.

Имена собственные (далее – ИС) в произведении писателя являются важными опорными точками любого художественного текста (далее – ХТ). Издавна в литературе сложился специальный прием использования антропонимов для характеристики персонажей. В этом отношении ИС являются ценнейшим компонентом в системе средств художественной выразительности. Изучение номинаций в ХТ представляется значимым и актуальным в современной науке, о чем свидетельствуют многочисленные работы таких белорусских исследователей, которые занимались и занимаются проблемами онимов, как П.В. Стецко,

В.А. Ивашко, П.П. Шуба, Н.В. Бирило, В.П. Лемтюгова, А.Ф. Рогалев, И.Э. Ратникова, Р.М. Козлова, А.М. Мезенко, В.В. Шур, О.А. Лещинская и др.

В настоящее время ономастическое своеобразие большинства современных писателей до сих пор остается неисследованным, хотя решение основных проблем литературной ономастики непосредственно зависит от степени изученности фактического материала. Ономастическое пространство драматургии А.В. Вампилова, которая занимает особое место в современной русской литературе второй половины XX в., также остается неизученным. Объектом нашего исследова-

ния стали антропонимы многоактных пьес драматурга «Прощание в июне», «Прошлым летом в Чулимске», «Старший сын». А.В. Вампилов в современной литературе является представителем русской классики. В его пьесах соблюден закон поэтики классицизма о трех единствах в драме – места, времени, действия. Но, в отличие от классицистов, он вывел на сцену героев не однозначных, с раз и навсегда прикрепленными ярлыками, а живых людей с разными, иногда противоречивыми проявлениями натуры. Литературные антропонимы в драматургии А.В. Вампилова служат своеобразным «ключом» к раскрытию художественного замысла писателя. В отличие от прозаика у драматурга нет возможности дать в пьесе исчерпывающую характеристику своему персонажу, художественно описать образ. Автор может позволить себе лишь в небольших, зачастую весьма кратких ремарках представить ту или иную информацию, связанную с характеристикой героя. В связи с этим особенно возрастает роль избранного драматургом личного имени, фамилии, а порой и прозвища для каждого созданного героя пьесы. Самые яркие имена драматург присваивает эпизодическим персонажам, например: *Серьезный*, *Строгая*, *Веселый*, *Красавица*, *Комсорг* («Прощание в июне») и др.

Принадлежность таких названий к ономастической лексике определяется контекстуально. Граница между онимами и апеллятивами в данных случаях практически отсутствует. Имя, получая дополнительные коннотации, воспринимается в одном случае как собственное, в другом – как нарицательное. Поэтому вначале может показаться, что вампиловские персонажи – это безымянные герои. Но, осмыслив ХТ, становится очевидным, что такие названия и есть их исчерпывающе-характеризующие номинации. В данном случае литературные имена-вывески, присущие классицистическому методу, выполняют информационно-стилистическую функцию. ИС в ХТ оказываются близкими к нарицательным словам и условно подразделяются на две группы: номинации, указывающие на особенности характера героя, внешние данные, отражение его внутреннего мира, а также названия, определяющие характер занятий героя, профессию. Так, «правильная» во всех отношениях *Строгая* не понимает «безответственно» полюбившую непутевого Букина Машу, в то время как за ней пять лет ухаживает такой положительный Фролов. Красноречива и речевая характеристика этой эпизодической героини. В ее лексиконе много штампов и фактически в каждой реплике повторяется фраза: «...как член студсовета, я должна вас предупредить...» (Вампилов 1999, 31, 32). Чрезмерно ответственный, выполняющий роль лидера, вожака, *Комсорг* даже на свадьбе постоянно пытается все упорядочить, ввести в рамки, чтобы каждый за что-то «отвечал». Уве-

ренная в собственной неотразимости и превосходстве *Красавица*, делающий замечания окружающим *Серьезный*, произносящий тосты и все время призывающий спеть «такое, что-нибудь оригинальное» (Вампилов 1999, 28) *Веселый* также ведут себя сообразно заявленной в номинации роли.

Антропонимическое пространство (совокупность всех антропонимов – имен, фамилий, прозвищ, функционирующих в том или ином произведении, а также связанных с ХТ, авторским замыслом, темой и идеей пьесы) драматургии А.В. Вампилова многомерно. Основу его составляет реальный антропонимикон (совокупность всех антропонимов, которые используются в языке определенного народа для называния реальных людей), построенный по моделям, известным в языке (например, календарные личные имена, восходящие к антропонимиконам других языков (греческому, латинскому, древнееврейскому); исконно русские фамилии на -ов, -ев; -ин, -ын отантропонимического или отапеллятивного происхождения и др. подробнее см.: Унбенгаун 1989). Однако за этой реальностью стоит и другой антропонимический мир, открывающийся внимательному читателю. Отличие антропонимикона пьес от реальных названий состоит в том, что большинство избранных автором онимов отапеллятивного происхождения в ХТ имеют двойственную мотивацию. С одной стороны, мотивационные связи соответствуют реальному имени и выполняют чисто идентификационно-номинативную функцию, но с другой – антропонимическая система осознается как искусственная система, мотивированная ассоциативными связями в контексте содержания самого произведения. Весь реальный антропонимикон пьес А.В. Вампилова условно можно разделить на две группы. Во-первых, это ИС, которые вызывают в читательском сознании ассоциативную связь со словами или словосочетаниями, существующими в современном русском языке, а также возможными мифопоэтическими представлениями, имеющимися у носителей языка относительно того или иного апеллятива, они косвенно, опосредованно характеризуют созданный писателем художественный образ. Во-вторых, это онимы, имеющие скрытую, «затемненную» основу (иноязычную, но, возможно, устаревшую или диалектную).

Так, к первой группе относится вполне реальная фамилия героя написанной в «оттепельные» годы пьесы «Прощание в июне» студента-биолога Николая *Колесова*, который оканчивает университет и хочет заниматься наукой. Все у него сложилось бы благополучно, если бы не множество случайных сцеплений, из которых и складывается судьба. Если бы *Колесов* не пообещал привести на свадьбу приятеля самую красивую девушку, он не познакомился бы с Та-

ней, дочерью ректора. Если бы не остановился у афиши, которую читала Таня, не стал бы приглашать на свадьбу артистку, не подрался бы с ее поклонником. Если бы не пришлось убежать от милиции, не натолкнулся бы в общежитии на ректора, возмущенного хулиганским поведением студента, который к тому же, как оказалось, знаком с его дочерью и даже нравится ей. Если бы не последнее обстоятельство, вряд ли за столь незначительный проступок одного из лучших студентов исключили бы из института и т. д. Созданный драматургом образ находится в жизненном круговороте, постоянном движении, он словно противопоставлен другим «разумным», предсказуемым, порой статичным, персонажам. В этой связи в читательском сознании фамилия героя пьесы Колесов может быть соотнесена с денотатом *колесо* – ‘в различных механизмах: диск или обод, вращающийся на оси или укрепленный на валу и служащий для приведения механизма в движение’ (Ожегов, Шведова 1998, 282) в его метафорическом понимании, символизирующим динамику, развитие и под. (ср., например, выражения *колесо жизни* в значении круговорот жизни; *жизнь на колесах*, т. е. в постоянных разъездах, и прочие устойчивые словосочетания с данным апеллятивом). Слово *колесо* у наших предков ассоциировалось с солнцем. Мифопоэтическое воззрение древних людей отождествляло солнце с живым существом, которое ведет постоянную борьбу с холодом и тьмой, т. е. со злом. В пьесе Николай Колесов как раз и является тем источником, в котором сконцентрированы такие «светлые» качества, как честность, смелость, свободолюбие, сохранение чувства собственного достоинства, отказ от конформизма. Ректор университета Владимир Алексеевич Репников на протяжении всей пьесы просто преследует Колесова, этот молодой человек раздражает его. Ректор пытается исключить Николая из университета, лишить его возможности продолжить учебу в аспирантуре, несмотря на бытующее мнение о Колесове как способном, талантливом молодом человеке. Даже жена Репникова удивлена таким предвзятым отношением своего мужа к студенту. В пьесе она спрашивает Владимира Алексеевича: «За что все-таки ты его так не любишь?» (Вампилов 1999, 54); «Что тебе надо от этого парня? Что ты в него так вцепился? Неужели нельзя отнестись к нему помягче?» (Там же, 56). В таком контексте фамилия героя Репников у читателя вызывает звуковую ассоциацию с апеллятивом *репей*, *репейник* – ‘сорное растение с цепкими, колючими соцветиями или плодами, а также такое соцветие или плод, лопух’ (ср. разг. выражение *пристал как репей* – о том, кто ведет себя навязчиво, надоедливо) (см. Ожегов, Шведова 1998, 676). Продавец Золотуев («Прощание в июне») «сам жил и других

не обижал» (Вампилов 1999, 45), т. е. сам брал и другим давал взятки. Но вот однажды пришел к нему честный ревизор, который отказался принять взятку. Золотуева тогда посадили в тюрьму на десять лет. Однако, выйдя на свободу, продавец остался убежден в том, что «честный человек – это тот, кому мало дают. Дать надо столько, чтобы человек не мог отказаться, и тогда он обязательно возьмет!» (Вампилов 1999, 47). Золотуев полжизни потратил на то, чтобы собрать огромную сумму, от которой уж точно ни один человек не откажется, и приготовился отдать ее ревизору. Но ревизор отказался и на этот раз. Фамилия героя комедии Золотуев, как нам представляется, может соотноситься с сочетанием слов «*совать золото* (т. е. деньги)» (от *золото* – ‘драгоценный металл желтого цвета, употр. как мерило ценностей и в драгоценных изделиях’ (Ожегов, Шведова 1998, 232), т. е. эквивалент денег, и *совать, сую, суешь, суи* – ‘вкладывать, помещать куда-нибудь с трудом, а также небрежно или незаметно’, например, ‘совать что-нибудь кому-нибудь в руки’, или же перен. прост. ‘давать взятку’ (Там же, 740)) и отражать мировоззрение, а также жизненные принципы героя пьесы. Антропоним Шаманов (ср. *шаман* – ‘у некоторых народов, сохраняющий веру в духов и в возможность ритуального общения с ними: служитель культа; колдун-знахарь, способный приводить себя в состояние экстаза’ (Ожегов, Шведова 1998, 294)), присвоенный следователю из пьесы «Прошлым летом в Чулимске», косвенно символизирует метаморфозу, духовное перерождение героя пьесы, превращение Владимира Михайловича из одного человека в совершенно иного. Это происходит благодаря вновь рожденной любви в душе этого человека к юной девушке Валентине, которая уже в течение долгого времени тайно и безответно любит приехавшего из города следователя. Раньше Шаманов был честным, инициативным человеком. Все у него складывалось благополучно: «...жена, говорят, была чья-то там дочь и очень красивая» (Вампилов 1999, 271), материальная устроенность, любимая работа. Он «далеко бы пошел, если бы не сваял дурака» (Вампилов 1999, 271). Однажды Шаманов стал добиваться справедливости в одном деле: пытался посадить за решетку сына довольно влиятельной в городе персоны. Попытка борьбы окончилась поражением. Осознав свое бессилие, Шаманов все бросил и бежал в Чулимск. С ним происходит страшная метаморфоза: все становится безразличным, чужим, теряется интерес к жизни. Следователь только об одном думает с удовольствием – о пенсии. Лишь признание Валентины всколыхнуло его. Шаманов понял, что дальше так жить нельзя. Так в Чулимске происходит возрождение любовью. «Как я жил, дальше жить было нельзя. И вот сегодня < ... >

мне кажется, что я и в самом деле начинаю новую жизнь. Честное слово, этот мир я обретаю заново, как пьяница, который выходит из запоя» (Вампилов 1999, 311). Объяснение фамилии персонажа из пьесы «Прошлым летом в Чулимске» Афанасия *Дергачева* можно отыскать в авторских ремарках при описании внешних физических данных этого героя пьесы. А.В. Вампилов отмечает: «Ему (Дергачеву. – И. П.) около пятидесяти. Он высок ростом, широкоплеч, кудряв – словом, мужик еще видный. Одно нехорошо: левая нога в колене у него не сгибается – протез. При ходьбе он заметно припадает и резко взмахивает правой рукой» (Там же, 255) (ср. *дергать* – ‘резко двигать какой-нибудь частью тела’ (Ожегов, Шведова 1998, 164)). Кроме того, Афанасий на протяжении всего действия пьесы постоянно придирается к своей жене Анне Васильевне Хороших за то, что та сразу же после войны, утратив надежду на возвращение *Дергачева* с фронта, изменила ему и родила себе сына Пашку. Именно этой измены всю жизнь и не может простить Хороших Афанасий. Он постоянно ссорится с женой, ругается с ней, дергает и пытается ущемить ее самолюбие мелкими придирами. В такой интерпретации фамилия персонажа может ассоциироваться с глаголом *дергать* в его переносном значении ‘беспокоить, мешать кому-нибудь мелкими требованиями, придирами’ (Ожегов, Шведова 1998, 255).

Фамилия персонажа из пьесы «Прошлым летом в Чулимске» Иннокентия Степановича *Мечеткина*, мужчины лет сорока, находящегося в поиске невесты, в рассматриваемом контексте вполне созвучна с глаголом *мечется* (*метаться*), что значит ‘суетливо, в волнении ходить, двигаться в разных направлениях’ (Там же, 352). Персонаж мечется между действующими в пьесе незамужними героинями. Сначала *Мечеткин* делает предложение аптекарше Зинаиде Кашкиной, но затем, получив отказ, по совету той же Зинаиды Павловны, прекрасно понимая всю нелепость своего сватовства к восемнадцатилетней девушке, начинает ухаживать за Валентиной, которая влюблена в другого.

Личное же имя героя *Иннокентий*, на наш взгляд, следует отнести ко второй группе реальных названий, имеющих скрытую, «затемненную» основу (в данном случае – иноязычную, но, возможно, устаревшую или диалектную). Календарный антропоним *Иннокентий* этимологизируется как ‘невинный’ (см. Петровский 2000, 149), т. е. правильный, чистый, непорочный. Такая мотивировка значима для данного контекста. Ведь *Иннокентий* Степанович, несмотря на свой возраст, ни разу не был женат. Он, по мнению окружающих, «дурак дураком», но «парень авторитетный, вес имеет, законы знает» (Вампилов 1999, 294), «такой принципиальный, такой поло-

жительный» (Вампилов 1999, 298). Вероятно, данный антропоним А.В. Вампилов употребляет с целью передачи иронического отношения к герою пьесы.

Однокурсника и друга Букина («Прощание в июне»), который, по замечанию автора, «из всех гостей выделяется неумеренной непосредственностью» (Там же, 27), прозвали *Гомырой*. Этот пошляк и пьяница оскорбляет невесту и расстраивает свадьбу Букина с Машей. Весь контекст комедии способствует возникновению в читательском сознании ассоциативной связи прозвища *Гомыра* с устаревшей диалектной лексемой *гамить* – «моск. костр. гамить вологодск. гаметь новг. перм. гаманить калужск. гаманеть кур. вор. гомонить, говорить громко, шумно, кричать. Не гами тут, разгамишь всех, уснуть не дашь. Гам м. шум» (Даль 1955 I, 343). А.В. Вампилов в ремарках и речевой характеристике персонажа отмечает фамильярность, развязность, неумеренность, бестактность, скандальность натуры героя пьесы. Для его речи характерно употребление разговорной и просторечной лексики (например, «козья морда» (Вампилов 1999, 28), «пожрать» (Там же, 29), «ерунда» (Там же, 34), «дайте мне по морде» (Там же, 36) и под.). За свадебным столом Борис ведет себя беспокойно, шумно, что и подтверждается звуковой ассоциацией скрытоговорящего прозвища.

Фамилия героя комедии «Старший сын» Владимира Петровича *Бусыгина* этимологизируется как ‘хвостун’ (см. Унбенгаун 1989, 123), т. е. человек, который хвастается, а в просторечии просто лжет. Студент мединститута *Бусыгин* точно знает, что родство его с Сарафановым вымышленное, однако ведет себя сообразно заявленной роли, становится «сыном», принимает правила игры, им же самим навязанной окружающим (см. Петрачкова 2001, 165–166).

А.В. Вампилов прибегает и к так называемым онимам-аллюзиям (именам-перекличкам). В случае успешной реализации аллюзии резко усиливают эстетическое воздействие ХТ на читателя. Оно основано на интенсивных ассоциативных связях, соединяющих данный текст с внеязыковой реальностью. Так, друга Бусыгина зовут *Сильвой*. Прозвище *Сильва*, которое герой получил «за пристрастие к музыке», представляет собой женское имя героини в одноименной оперетте Кальмана. Драматург присваивает женское имя *Сильва* мужскому персонажу. Данное явление, называемое ономастическим травестированием, зачастую используется драматургами с целью создания комического эффекта. *Сильва* и напоминает какой-то опереточный персонаж, выпрыгнувший с легкостью в жизнь. Его чувства поверхностные, непостоянные, часто показные (см. Петрачкова 2001, 165–166).

Таким образом, система антропонимов в пьесах А.В. Вампилова многогранна и является важным компонентом художественной выразительности. Драматург использует классицистические имена-вывески, обладающие высокой степенью семантической активности, реальные антропонимы, построенные по моделям, известным в языке, с двойственной мотивацией (косвеннохарактеризующие и скрытоговорящие ИС), а также онимы-аллюзии. В ХТ автор, так или иначе, обращает внимание читателя (зрителя) на антропоним созданного им образа (через авторские ремарки, действия и поступки героя, художественный контекст, когда сам персонаж уточняет мотивацию имени, и, наконец, драматург прибегает к стилистическому приему ономастического травестирования).

ЛИТЕРАТУРА

Вампилов А.В. Пьесы: Для старшего шк. возраста. Мн., 1999.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1955. Т. 1.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М., 1998.

Петрачкова И.М. Роль ономастических средств в комедийном жанре (на материале пьесы «Старший сын» А.В. Вампилова) // Актуальные проблемы исследования языка и речи: Материалы Междунар. науч. конф. молодых ученых (Минск, 30–31 окт. 2001 г.): В 2 ч. Мн., 2001. Ч. 1. С. 164–166.

Петровский Н.А. Словарь русских личных имен. 6-е изд., стер. М., 2000.

Унбэнгаун Б.О. Русские фамилии: Пер. с англ. М., 1989.

Поступила в редакцию 01.01.09.

Инна Михайловна Петрачкова – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного Гомельского государственного медицинского университета.